

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Россия и русские в русинской и малых региональных литературных традициях
Author(s)	Тамаш, Юлиан
Description	ISBN: 9784938637576 Глава 5
Relation	Россия и русские глазами инославянских народов : язык, литература, культура 1. [野町素己編集]
Citation	スラブ・ユーラシア研究報告集, 3, 123-142
Issue Date	2010-12
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/47692
Type	departmental bulletin paper
File Information	SEP3_006.pdf

Россия и русские в русинской и малых региональных литературных традициях

Юлиян Тамаш

Рационально рассуждать о компактности одного народа или его государства почти невозможно. Исключения не подтверждают правило, а из-за примеров, которые не помещаются в описания знаменателя, нам практически всегда приходится сомневаться в иллюзорной возможности рационализации того, что является объективным духом, несмотря на возможность/невозможность существования одинокого разума. Народ – это и царь, и его придворный шут, а магии эротики не могут противостоять ни прекрасная монахиня, ни распущенная куртизанка.

Во имя народа совершались не только интеллектуальные и творческие подвиги, но и самые чудовищные злодеяния. Исторический опыт конца XX века¹ показывает, что историей управляют «великие» народы, но спасают человечество «малые» народы и креативные одиночки – неизрасходованный золотой ресурс человечества.² Давиды побеждают Голиафов, наверное, вследствие незамутненных ценностных ориентиров. Ценность свободы лучше

1 Тамаш, Юлиян. Конец XX века. Нови Сад: Парохия св. апостолов Петра и Павла, 1995.

2 Тамаш, Жулијан. Величина малих, Поетика регионалних и малих књижевних традиција. Војвођанска академија наука и уметности, 2008.

осознает тот, кто защищает ее от угрожающего этой свободе. Психологический минимализм более плодороден, чем психологический максимализм, который во имя самоуверенности и эгоизма великих народов угрожает праву слабого ожидать защиты более сильного. В долговременной перспективе положение жертвы имеет превосходство перед положением ее палача, но, к сожалению, историю пишут оставшиеся в живых.

Россия и русские имеют статус великого государства и народа. Одного из крупнейших, сильнейших и наиболее влиятельных, но и наиболее ответственных, особенно если рассматривать мир не как геометрическую схему, а принимать во внимание нюансы. Не делить на черное и белое, а с пристрастием выделять оттенки серого. Это дар, но и наказание, которое Господь предназначил этому народу и этому государству.

Данная статья некоторым образом резюмирует работы, опубликованные мной на сформулированную тему в последние три десятилетия, и показывает: 1. Теоретические проблемы общего для мира представления о России и русских. 2. Общее культурологическое представление о русских/России среди русинов. 3. Влияние поэтики русских писателей на региональные и малые литературные традиции. В заключение предлагается видение противоречивого отношения некоторых национальных, культурных и литературных традиций к России и русским. Конечно, данный вопрос слишком обширен, поэтому для его всестороннего освещения потребуется формат книги.

1. Общее представление о России и русской философии, поэтике и истории часто называют *национальный менталитет*, *национальный характер* или *национальная душа* (русская душа, украинская душа, сербская душа, русинская душа).³ Для автора

3 Збірник на пошану Івана Мірчука. Мюнхен: Український вільний університет, 1974; Књижевност на језицима мањина у Подунављу. Београд: Институт за књижевност и језик, 2004; Тамаш. Конец XX века; Українська душа. Київ: Фенікс, 1992; Гачев Г., Брјушинкин В., Кантор В., Шаповалов В. Феноменологија руске душе. Нови Сад: Летопис Матице српске, јун

данной работы более точным представляются определения *национальная логика* или *национальный космопсихологос* в том смысле, в котором эти термины употребляет Г.Д. Гачев.⁴ Однако точнее всего это представление о России и русских, как мне кажется, можно определить с помощью слова *мираж*, в смысле французского термина и понятия *mirage*, которое подразумевает описательное представление данного понятия, где описание – это результат сложенных интерпретаций и сознаний, более глубокого рассмотрения конкретных и многоязычных исторических фактов. Термин и понятие *мираж* здесь подразумевает историю связи ума с рядом фактов, вопрос только какого и чьего ума.

2. Создание организации *Руске народне просветне друштво «Просвита»* (= Русинское народное просветительное общество «Просвещение») РНПД ПРОСВИТА) 2 августа 1919 г. в зале магистрата в городе Нови Сад заложило основы развития образования, науки и культуры югославских русинов. Во вступительной речи на II заседании РНПД 23 мая 1921 г. в селе Руски Керестур (= русский, т. е. русинский Керестур) председатель РНПД Михал Мудри сформулировал направления развития русинской народности, ее национальной, культурной и литературной жизни. При этом Мудри сказал: «Вот, дорогие русины, это цель, ради которой основано наше РНПД, чтобы мы дали своим детям в руки книги, по которым они будут учиться, просвещаться и развиваться. Затем, чтобы и в руках взрослых людей была книга, чтобы не забыли то, что выучили в школе, но и чтобы усовершенствовались. А на каком языке это надо сделать?! Можно ли вообще задавать такой вопрос? Только на том, который дети понимают: а это родной язык».⁵

В литературной жизни русинов в Югославии между двумя войнами доминирует личность писателя и поэта Костельника, хотя

2008: переведено из журнала «Вопросы философии». Москва, 1994. № 1; Франк, Семен. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. антология. Мюнхен, 1965.

4 Гачев. Феноменологија руске душе. С. 1913.

5 Мудри, Михал. Отварајућа бешеда. Руски календар, 1922. С. 2–3.

он находился во Львове, где некоторое время был профессором философии в Теологической академии, а Бачку посещал время от времени. Немногочисленные произведения на русинском языке в то время в основном были литературой для развлечения или средством политической борьбы между самими русинами за культурную и национальную ориентацию. Интеллигенция украинской и греко-католической ориентации основала РНПД, которое стало издавать *Руски календар*, 1921–1941 (= Русинский календарь) и учебники, необходимые для начальной школы. По своей программе движение РНПД было близко народническому движению в Галиции, иногда с ярко правыми и клерикальными выступлениями, особенно во время Второй мировой войны.⁶

В связи с неудовлетворенностью работой и недостатками в программе РНПД был основан *Културно-просвітний союз южно-славянських Русинів* (КПСЮОР) (= Культурно-просветительный союз южнославянских русинов) в Вербасе 1933 г., который 22 апреля 1934 г. публикует первый номер своего вестника *Заря*, 1934–1936 (= Луч). 2 августа 1936 г. вестник меняет название на *Русска правда* (= Русинская правда), но после выхода двух номеров с 20 сентября 1936 г. до Второй мировой войны выходит под названием *Русска заря* (= Русинский луч) (1937–1942). С 1936 г. *Русску зарю* фактически неизменно редактирует Евгений М. Кочиш, хотя и неофициально. Из-за юридических препятствий с подписью ответственного редактора (югославские власти считали его коммунистом) *Русска заря* появляется только начиная с десятого номера 1937 года. Е.М. Кочиш являлся ответственным редактором и других публикаций этого оппозиционного РНПД «заряшского» движения: *Руски народни календар Заря* (= Русинский народный календарь Луч) (1935–1941), *Квиток младосци* (= Цветок молодости), собрании писні и старостовство зоз дружбовством, 1939) Янка Хромиша и *История русского народа*, 1934 (= История русинского народа) Николая Д.

⁶ Гарди, Дюра. Становиска и политичні орієнтації РНПД спрам Краљовини СГС (Югославії) и ей политичного живота // збірник «Руснаци/Русини 1745–1995». С. 215–231.

Олеяра. После прочтения публикаций в *Заре* становится понятно, что Е.М. Кочиш был не только редактором, но и корректором, автором интереснейших очерков и эссе и поэтом. «Заряшское» движение выступало на стороне крестьян, без четкой национальной и социалистической ориентации.⁷

Движение Просвиты, хотя идейно оно было не столь прогрессивным, было ближе задачам культурного развития русинов Югославии. История здесь оказалась, согласно *принципу отрицания отрицания*, только на первый взгляд парадоксальной, потому что сегодня у русинов Югославии преодолены «заряшское» движение и движение Просвиты, однако их идеологический раскол остался доньше. «Заряшское» движение придерживалось общеславянской (точнее прорусской и просербской) ориентации, а также православия с ярко выраженной тенденцией к веротерпимости (веронетерпимость позже выражали толкователи и сторонники «заряшского» движения),⁸ при этом не отрицается и связь с карпаторусинами.

Неоспоримый факт, что «заряшское» движение было менее компактно, чем движение Просвиты. Идейно оно не было резко социалистическим, но все же надо признать, что на страницах публикаций этого движения появлялись статьи, в которых высказывались позиции, близкие югославским коммунистам в период между двумя войнами. В идеологическом смысле «заряшское» движение было прогрессивнее, чем движение Просвиты, но в культуре и литературе оно было менее креативно.

Вероятно, писателям из рядов РНПД Просвита принадлежит большая часть заслуг в создании литературы югославских русинов (Г. Костельник, М. Винай, Я. Фейса, Осиф Костелник,⁹ М. Буила, С.

7 «Заряшское» движение было идейно близко к социальным переменам в государстве, которые последовали в Югославии после Второй мировой войны.

8 *Бильня, Владимир*. Приложения к изучению истории русинов между двумя войнами. Novi Sad: Zbornik za istoriju MS, 1977. № 15. С. 171–187.

9 Г. Костельник во Львове подписывался с «ь», и такое написание его фамилии задержалось у русинов доньше. Остальные же *Костелники* писали свою фамилию без «ь».

Саламон, М. Надь, М. Ковач, Е. Солонар). Писатели КПСЮР создали первые литературные произведения, которые относят к социалистическому реализму (Я. Хромиш-Бачи Горки (= Дядя Горький), Е.М. Кочиш, Д.С. Бильня). Также писатели РНПД Просвита имели более развитую и более организованную литературную жизнь, чем сторонники КПСЮР, среди них были критики (С. Саламон, Е.М. Тимко, Д. Биндас, В. Пап), а в период между двумя войнами они даже издали одну антологию литературного творчества – *Руско-українски алманах бачванско-сримских писателюх*, 1936 (= Русинско-украинский альманах бачко-сремских писателей).

Возникает вопрос: в границах какого видения, состава и организации надо понимать русинскую литературу в период между двумя войнами? Во-первых, в то время расслаиваются традиции устной литературы и литературы церковного происхождения. Функция стабилизатора русинской литературы в национальной ориентации частично утрачивается, но с усилением мещанского, среднего класса у русинов эта функция все-таки остается. Сюда относятся произведения Гавриила Костельника, которые частично продолжают традицию прозы Кристофа фон Шмида (1768–1845). Эта традиция воспекает божественное провидение в управлении миром, зло в ней наказывается, а добро вознаграждается. В рамках функции стабилизатора, приспособленной к потребностям мещанской общности и идеализации адекватных форм деревенской общности, которая живет в любви и согласии благодаря настойчивости разумного и трудолюбивого человека, находится повествовательная проза Осифа Костелника, который, на самом деле, продолжает традицию Йохана Хайнриха Чоке (1771–1848).¹⁰ Хорватская литература была посредником при введении Шмида и Чоке в русинскую литературу.¹¹ Многие произведения этих писателей очень часто переводятся на хорватский язык во второй половине XIX века. С другой сторо-

10 Отличные интерпретации произведений Г. Костельника и О. Костелника на русинском языке в *Константинович, Стеван*. Калдерма читаня и думаня. Нови Сад: Руске слово, 1990. С. 5–33.

11 *Plohl, Marija*. Hrvatski prijevodi prozanih djela iz njemačke književnosti 1935–1960 (neštampana doktorska disertacija). Zagreb: Filozofski fakultet.

ны, литературный опыт двух Костелников (т. е. Г. Костельника и Осифа Костелника) продолжается в произведениях Фейсы, Виная, Саламона, Е.М. Кочиша, М. Ковача, М. Буилы. После 1919 г. разница между фактическим статусом русинов в Югославии и ранним закарпатским контекстом принимается и программно, с пониманием необходимости усиления чувства национальной принадлежности. Из-за исключенности из тех исторических событий, которые привели к интеграции русинов в украинскую нацию в карпатском бассейне, до сих пор обе русинские ориентации противопоставляют факты о происхождении русинов и их нынешней реальности. Между двумя войнами начинается процесс замены жизненного контекста, в котором существует русинская культура и литература в Югославии. Развлекательная функция литературы зачастую определена отсутствием борьбы за национальную и культурную ориентацию. Об этом можно судить хотя бы по рассказам М. Ковача, М. Буилы и Е.М. Кочиша. В то же время, для Виная и Саламона литература – это художественное слово, что приближает их к структуре современной литературы.

Этот мираж противопоставленных русинских прорусских и русинских проукраинских национальных и культурологических ориентаций среди русинов Воеводины, и вообще в центральной Европе, существует до сих пор как политическое карпаторусинство и русинство в смысле регионального самоопределения в корпусе украинской нации и государства. В этом мираже прорусско ориентированные русины и карпаторусины считают Россию и русских спасителями и общеславянским Пьемонтом (национальным объединителем), которому не мешает панславизм Погодина в том смысле, что все славяне-русские, не мешает им русское имперское сознание, которое культивирует русская националистическая и шовинистическая элита, начиная со времен русского царизма до Солженицына и Путина.

С другой стороны, русинские регионалисты в своем мираже не видят существенной разницы между царизмом, большевизмом и Путиным, и для них русский, то есть большевистский «интернационализм», русификация нерусских народов и могильщики многих национальных самосознаний находятся в зоне влияния России

и русских.¹² Автор этой статьи, однако, в конце статьи предлагает гармонизировать и превзойти эти два русинских антагонистических миража.

3. Русская поэтика очень повлияла на поэтику русинских писателей. Об этом влиянии я написал в книге *Исторія русинске књижевности* (= История русинской литературы) (1984, 1997, 2002). Я упомяну здесь только самые значительные литературные имена: *Гавриил Костельник (1886–1948)* в своей идиллической поэме *З мойого валала* (= Из моей деревни) вдохновляется идиллическими картинами из *Евгения Онегина* Пушкина, а в любовном романе или поэме *Тепусі* (= Мгновения), на хорватском языке, преобладает структура того же романа в стихах Пушкина. В рассказах Костельника о странных людях и необыкновенных событиях из жизни крестьян заметно явное влияние *Записок охотника* Тургенева. Об этом можно прочесть подробнее в моей книге *Гавриїл Костельник медзи доктрину и природу* (= Гавриил Костельник между доктриной и природой) (1986).

Михайло Ковач (1909–2004) глубокоую тургеневскую тему о столкновении отцов и детей интерпретирует согласно философскому супраморализму Николая Федорова. Можно сравнить его неоевангелизм с неоевангелизмом Л. Андреева в его произведении *Иуда Искариот*. Об этом мною написано в книге *Евангелист Михайло Ковач* (2009).

Евгений М. Кочиш (1910–1984) в поисках своего стиля опирался на романы *Мать* Максима Горького и *Поднятая целина* Шолохова, о чем свидетельствует структура его романов *Петро Андрейков* и *Осушени слизи* (= Осушенные слезы).

Микола М. Кочиш (1928–1973) в своей поэзии для детей последовательно отображает концепцию *Педагогической поэмы* Макаренко о том, что и дети, и взрослые одинаково воспринимают и красоту, и трагичность человеческой жизни, а также испытания, которые она приносит.

¹² Дзюба, Іван. *Інтернаціоналізм чи русіфікація*. Мюнхен: Сучасність, 1968; Дзюба, Іван. *Автографи відродження*. Київ: Рядянський письменник, 1986.

Владимир Бильня (1927–2006) в романе *Аз есм* описывает свой лагерный опыт. Будучи сторонником Информбюро, он провел пять лет в политическом лагере на Голом Отоке, но не отрекся от своих сталинистских убеждений. Он принял напрасную жертву, как более высокий смысл человеческого существования, но не отрекся от своих просталинистских убеждений. Он писал достоверно о жизни в концлагере, как и А. Солженицын, но А. Солженицын осуждал власть, организовавшую концлагеря, и отрекся от просталинистских убеждений. В этом смысле они являются антиподами, как верующий и еретик.

Владо Костельник (1930) в своих романах и рассказах воссоздает поэтику соцреалистических и производственных романов Фадеева и Гладкова, приспособливая их к русинскому историческому опыту.

Дюра Пангаргаи (1936–2008) в своих произведениях воссоздает поэтический опыт русских классиков (используя поэтические, повествовательные и драматические образцы), начиная с рурализма (поэзии о деревенской жизни), поэтических картин и метафор С. Есенина, до символического и психологического лирического театра А.П. Чехова. В своей исповедальной поэзии он вступает в диалог с классиками русской литературы, начиная с Гоголя до Толстого и Маяковского.

Агнета Бучко (1951) вдохновляется чувствительной символистской поэзией М. Цветаевой и акмеизмом А. Ахматовой. «Белые ночи», в которых фигурирует открытое, но *непосещенное* окно,¹³ деревенская атмосфера, неприятный опыт одинокой женщины в городе во время последней гражданской войны в бывшей Югославии. Показаны ужасы военного насилия, оставляющие шрамы на чувствительной женской душе. Такие сюжеты и особенный стиль несомненно делают ее поэзию особенной и достойной похвалы.

Владимир Гарянки (1959–1996) во многом отождествлял себя с личной судьбой и символизмом Иосифа Бродского, пробиваясь сквозь метель спрятанных значений и символов, пытается сделать

13 Она в своей поэзии пишет о лунных ночах: *непосещенное окно* в этих ночах значит, что к открытому окну девушки не приходит ее любимый.

яснее картину человека, потерянного в этой метели, и узнать смысл человеческого существования.

Упомянутые примеры поэтических влияний русских классиков на русинскую литературную традицию не исчерпывают эту тему – эти влияния узнаются и у Я. Хромиша-Дяди Горького, М. Виная, Я. Бакова, В. Мудрого, Владимира Кирди Болхорвеса, С. Константиновича и других – но приведенные примеры дают картину основных направлений и значения этого влияния.

4. Опыт существования различных человеческих обществ доказывает, что народы, которые сформировали государство и стали единой нацией, оказались в более выгодной позиции, чем региональные и малые общества без собственной государственности. Говоря кратко: для наций история – мать, а для региональных и малых этнических сообществ – мачеха. История представляет связь ума с рядом фактов, но вопрос только, какого ума и каких фактов. В создании собственной истории нации, использующие инструменты государства, не смотрят, как центры, с благосклонностью на окраины региональных и литературных традиций внутри собственных орбит. Как известно, народу, которому другие – даже если эти другие не враги – пишут историю, не приходится рассчитывать на справедливость. Большие по численности нации действуют с позиции психологического максимализма и быстрее формируют государственность, а энергия малых народов, региональных и малых обществ, которые замкнуты психологическим минимализмом, тратится на защиту элементарных человеческих прав, языка и собственной национальной идентификации. В попытке защитить себя они опираются только на свои внутренние ресурсы и не рассчитывают на поддержку более сильных обществ. Примером тому является отношение американцев к индейцам, испанских и французских колонизаторов к местному населению. Примером из современной истории можно считать приверженность советоцентризму у кавказских народов, которые в СССР получили возможность из малых народов, региональных общностей и племен создавать собственные национальные государства. Следует оговориться, что эти государства назывались республиками внутри СССР, но тем не менее такое

положение позволило перевести региональные литературные традиции в статус национальных литературных традиций. Эти новые советские народы, как их называет официальная советская политика, считают СССР своей родиной и становятся субъектом собственной истории. Разрушение общественных систем социалистических стран показало, что внутри так называемой большевистской интернационализации, в борьбе за равноправность великих и малых народов, их языков, литератур и культур, все-таки систематически проводилась русификация. Это убедительно доказывает Иван Дзюба.¹⁴ Правда, прошли века до того момента, как региональные и малые общества нашли ось, вокруг которой они будут вращаться по определенной орбите и, все-таки, в определенной степени развиваться. Бесспорно, однако, что такие национальные и государственно-творческие центры, которые гордились своими созвездиями, не любят периферию, т. е. большие государственные центры – как бы центры созвездий – не любят своих маленьких братьев, т. е. малые народы в своем государстве, и обыкновенно пытаются интегрировать малые общества в собственную нацию.

Судьба африканских народов была несколько специфичнее, потому что колонизаторы не обнаруживали такую меру понимания, какую в случае кавказских народов имела большевистская идеология по вопросу создания нового человека и якобы равноправия великих и малых народов. То, что звучало красиво на словах, на самом деле не обозначало красивую действительность. В случае с африканскими народами есть одно усугубляющее обстоятельство. Поскольку их презирали в мире, как об этом говорит Франц Фанон,¹⁵ они с трудом выходили из своих мифических универсумов, даже в своих языках и понимании истории у них отсутствовало понятие будущего. Это обнаружилось, когда африканские студенты стали приезжать изучать философию в европейских университетах, и им было очень трудно преодолеть разделы философии, касающиеся теологии. У них просто отсутствовало умение, которое свойственно

14 Дзюба. *Інтернаціоналізм чи русифікація*; Дзюб. *Автографи відродження*.

15 Fanon, Franc. *Prezreni na svijetu*. Stvarnost. Zagreb, 1973.

уму, а именно умение предвидеть. Причина просто невероятная – в их жизненном опыте не было понятия будущего. При всех других несчастьях их сопровождало и несчастье численно малых народов и племен: показалось, что критическая масса пяти тысяч людей, которые принадлежат одному народу, бывает осуждена на исчезновение, потому что маленькие народы (до пяти тысяч) теряют внутреннюю витальность. Кроме того, большую роль в жизни одного народа имеет народная память: если она исчезает, исчезает и народ. Например, если у африканских племен вожди племен и шаманы вовремя не передавали наследникам свое знание о прошлом своего племени, такие племена быстро исчезали. Для большинства африканских народов все происходит в настоящем времени, как будто в каждом мгновении возникает мир, или в прошлом, о чем сохранились только устные свидетельства. Упомянутые примеры находим и у современных африканских поэтов. Например *Агостиньо Нето* (1922–1976), который в стихотворении *Африканский поезд*, говоря о западной цивилизации, только предчувствует свободу своего африканского народа и сам говорит «*кто старается – не проиграл, / но все еще не победил*». В другом стихотворении *Западная цивилизация* он констатирует, что «*одна цинковка в темных ночах / достаточна, чтоб умереть / благодарен, / даже и с голоду*». Горизонт будущего для этого поэта, государственного деятеля и одного из наиболее видных представителей африканской интеллигенции все еще закрыт, хотя на темном фоне уже забрезжил свет.

Известный еврейский писатель, пишущий на идише, *Исаак Башевис Зингер* в разговоре с Ричардом Бергином говорил о жизненной неспособности евреев, несмотря на то, что еврейское меньшинство преследовали: «а еврейский народ в изгнании прожил две тысячи лет; они жили в десятках стран; говорили на многих языках, а все-таки сохранили свои книги; они не забросили свою веру; и после двух тысяч лет возвращаются в Израиль. Этот случай настолько особенный в человеческой истории, что если бы это не случилось, никто бы не поверил, что такое возможно. Если бы кто-нибудь написал рассказ о таком народе, критики бы его назвали фантастическим. Как раз поэтому история еврейского народа является единственной в своем роде. Эта мощь – быть меньшинством, меньшинством, ко-

торое преследуют, и сохранить свою культуру на протяжении двух тысяч лет – отрицает все социологические и психологические теории о нациях и коллективах. С этой точки зрения, сионизм важен. Он открыл, что общества иногда могут выполнять исключительные задачи. Евреи – единственный в истории человечества народ; то, что приводит в замешательство, это их преданность истории. Они привержены даже длительности своего изгнания». Этот факт Зингер конфронтирует с фактом, что миллионы немцев эмигрировали в Америку, и все они стали «настоящими американцами». (Евреи даже в изгнании не забывают своей истории, т. е. что они Евреи, а Немцы быстро стали Американцами.) Не осталось следов того, что они были, например, немцами, за исключением, может быть, их имен. Они забыли даже и немецкий язык, а во время образования США немецкая общность чуть не стала доминантной. В этом величие малых народов. Это тоже отличный аргумент, что надо изменить отношение к «большим» и «малым» народам: не существуют большие и малые народы, существуют только многочисленные и малочисленные народы. Очевидно, что нужно смотреть на проблему не с точки зрения великих на малых, и не с точки зрения малых на великих, но посмотреть со стороны взглядом, который сможет рассмотреть проблему с точки зрения будущего, который будет нейтральным и одновременно сможет охватить и так называемые великие, и так называемые малые сообщества и их культурные и литературные традиции.

В Европе у лужицких сербов не было возможности создать серболужицкую нацию, потому что они жили как маленький славянский остров среди немецкого моря, и когда основоположник национальной литературы Хандрий Зейлер (1804–1872) в стихотворении *Где родной край сербов?* задается вопросом о национальной самоидентификации, ответом является – это не бескрайняя Россия *«треть мира / в которой солнце никогда не заходит»*, но целая Славия. Правда, его панславизм невозможно сравнивать с большевистским видением славянского интернационализма как русификации. Зейлер был сторонником жизни, равноправия и развития великих и малых славянских народов.

Особенно показательно отношение кашубов к своей истории. Кашубы, как остров в польском море, также не обладали мощью для создания нации и не получили статус народа без своего государства,¹⁶ поэтому они постоянно собственную историческую позицию считали нереализованной, не полным рабством, но и не полной свободой. В стихотворении *Яна Карновского (1886–1939) Совет вороне* задается вопрос – зачем кашубам свет, который им несли их замечательные просветители, если они «известный ослепленный род». Поэтому может быть и хорошо, что исторический ветер погасил свет, который приносили их просветители (Цейнова и Дердовский), потому что от него сгорел бы лес, которым кашубы так гордились. На тяжелую долю кашубов жаловался *Ян Паток (1886–1940)* в стихотворении *Убийство лягушки*. Согласно народным верованиям, девушки, услышавшие «каню», маленькую зеленую лягушку, которая на деревьях призывает дождь, умоляют деревенского старосту, чтобы он позволил отрубить лягушечке головушку, чтобы она больше не обманывала девушек и не ставила их в неприятную необходимость рожать сыновей, потому что сыновья служат королю, и задают себе вопрос: когда придет время, когда ты, который спишь, откроешь глаза и заметишь, что ты дуб в лесу, который начинает утреннюю песню, когда ты однажды громко скажешь «я народ и служу сам себе». Время, чтобы кашубы сказали: у нас своя родина. *Ян Тренчик (1907–1989)* в стихотворении *Повестка* приглашает молодое поколение самореализоваться в истории и создать то, к чему оно стремится. При этом он приводит пример страшной судьбы мальчика, который должен был зарабатывать на хлеб, хотя был не больше пальчика, и никто не хотел заступиться за него, за исключением такой же убогой Доротеи, которая и самая была бедна, как мышь.

У кавказских народов абхазский поэт *Дмитрий Гулия (1874–1960)* в стихотворении *Вот кто я* считает советское государство простором счастья и местом для самореализации и определения места собственного народа в истории. Про себя он говорит, что он

16 Есть народы, которые признаются народами, хотя они не имеют своего государства (курды, баски), но кашубов не признают таким народом.

советский человек, к тому же сын земли, а точнее абхазский сын. Мы свидетели распада Советского Союза. История показала, что самореализация нерусского как советского человека продолжалась недолго и что наступило время реализовать Абхазию, так что определение *абхазский сын* оригинальнее и глубже. Но кажется, что центральное определение «сын земли» еще глубже и длительнее. В этом смысле вождь индейцев, предупреждал белых пионеров, когда они отнимали индейскую землю, чтобы те не забывали, что все мы сыновья земли. Правда, поэт Гулия имеет путь для отступления, который гуманистически более приемлем: *«каждый, кто идет к добру как к цели / близок мне, как брат по крови!»* Башкирский поэт *Ханиф Карим (1910)* в стихотворении *Речка Вар* говорит о собственном опыте, который мы в этой статье должны не только процитировать, но и запомнить. Речь идет о формулировке нашего тезиса о величине малых и глубокой жизненной истине, что когда Бог создавал мир, несмотря на миллиарды человеческих образов, он никогда не повторил одно и то же лицо. Смысл созидания в различии, а не в повторении, несмотря на размер модели: *«и смотри, журчит речка Вар, / струится в моем стихе. / Она на взгляд очень маленькая, / но я воспеваю ее. / В большую Волгу Вар быстро вносит / холодную струю».* Абазинский поэт *Пасарби Цехов*¹⁷ в стихотворении *Россия мать* восхваляет значение России для самореализации молодых советских народов, правда, исторически очень древних, которые, в большинстве своем, еще не сделали серьезного шага из мифического времени и не вступили в историю. Он еще не видит интернационализацию как русификацию кавказских и собственного народа. Гагаузский поэт *Дмитрий Карачобан (1933)* в стихотворении *Из прошлого* поет о страхе, в каком жил его народ в прошлом и предчувствует свободу, потому что теперь в страхе пробуждаются недавние дерзкие бояре. Его гагаузы жили в страхе от засух, неурожайного года, Бога, болезни и податей, а сейчас гагаузские бояре боятся суда, войн, разрушений. Они не смеют сидеть на порогах

17 Цехов Пасарби Кучукович (1922–1984). Первый абазинский профессиональный писатель. Прозаик и поэт, разработавший и развивший жанр лирической песни. Член Союза писателей с 1957 г.

своих домов, потому что боятся своего народа и *«вздыхают в постелях так, как сухая солома боится искры»*.

Характерным является то, что отношение большинства поэтов региональных и малых литературных традиций к истории не является полной исторической самореализацией отдельных людей и общества. Они только предчувствуют и задерживаются на ее пороге. Не значит ли это, что общества, как носители региональных и малых литературных традиций, имеют потребность перерасти в нации. Оттуда понятен, хотя и не оправдан, страх и неприятие национальных осей, что региональные звезды в орбитах их созвездий из периферии могут перерасти в собственные центры.

5. Существование региональных и малых литературных традиций, их создателей и носителей привело нас к заключению, что эти исторические субъекты обладают творческим потенциалом, как и так называемые великие общества, традиции и отдельные люди; «малые» своим языком, литературой и культурой защищают собственное существо и дом, в котором они, если не совсем спокойны, то все-таки менее беспокойны. Защищает их с точки зрения психологического минимализма возможность сосуществования одновременной жизни и «малых» и «великих». Относительно уменьшенная эмиссионная сила не уменьшает их креативный потенциал, если они овладели опытом мировой литературы; таким способом они сохранили свою неповторимую перспективу.

«Великие» национальные и мировые литературные традиции, между тем, действуют с точки зрения психологического максимализма, поэтому они находятся на позициях антипода к малым и отбрасывают сосуществование «великих» и «малых» ради «языковой гигиены», к малым относятся по-имперски, стараются унифицировать мир согласно своему образу. Они уничтожают различия, попирают и право на различия — один из основных принципов креативности не только в художественном творчестве, но и в творчестве вообще. Одни судорожно стараются сохранить неповторимость собственного существа и дома, другие клонируют себя. Как всегда, когда сложные системы мышления оказываются перед противоречивыми ситуациями, поэтическая картина делает их более про-

зрачными. Представьте себе мировую литературу и культуру как большой водоем, планетарно ограниченное, гомологичное озеро, в котором вода – сама в себе, нет ни оттока, ни притока. Если бы региональные и малые литературные традиции были островками водяного мха, движущаяся вода в озере очистила бы их, и водяной мох исчез бы. Что мы получаем: чистую воду или стерильное мертвое море? Антипод: водяной мох покрыл большую часть озера, потому что островки имеют живые источники, которые препятствуют стремлению большей части озера создать лужу из живой воды. Эти островки, эти чистые языковые и литературные полянки – это региональные и малые литературные традиции. Бог создал миллиарды человеческих лиц, но не повторил ни одно. Литература и художественное искусство не функционируют по принципу одинаковых близнецов.

Если бы точные договоры ради практических потребностей были достаточным условием для самореализации эмоционально богатого существа в истории, то человечеству хватило бы несколько ясных, кратких команд. Но в человеческой коммуникации эмоционально богатых существ нужен шум в коммуникационном канале, а этот шум, на самом деле, является царством метафизических качеств в литературе и искусстве. Поэтому Хайдеггер своим мнением, что язык является домом, в котором обитает существование, что поэты – пастыри существования, высказал одну из поэтически конкретных, но философски универсальных правд о природе и функционировании поэзии, точнее, литературы. Самое действие называния языком внеязыковой действительности то же самое, что и повторяемое божественное созидание. Поэтому дар/талант к языкам, кроме любви, вероятно, самый большой дар Бога, как говорит апостол Павел. В этом даре многочисленность и квантификации не говорят ничего о природе творческого действия. О трудностях функционирования уже созданного – говорят. Языком, хотя бы и у совсем малочисленных его носителей, даванием названий мы создаем в литературе виртуальную действительность, гомологичную историческую действительность. В ней неповторяемо каждое мгновение, как незаменимая частичка вечности и существования универсума. Записывание неповторяемости мгновения и деталей, вписывание в

вечность, золотая аура – это преимущественно поэтическое дело, а креативность психологического минимализма, наверное, Богу милее.

Творческая личность, поэт, писатель, благодаря своему жизненному и литературному опыту, пограничным ситуациям, в которых он оказывался, выбирает сочинения из литературной традиции, снова воссоздает ее, стараясь оплодотворить или оспорить ее инновациями, собственным вкладом, различным отношением к литературным произведениям предшественников. Сложные системы в существовании литературы во времени снова сводятся к нескольким мифам или поэтическим картинам, как это бывает, когда на рациональные вопросы нет рациональных ответов: у христиан – к мифу о зарождении; у марксистов – к идее прогресса, которая представлена восходящей линией; у циклистов – к скрытому кругу; у Тойнби – к колесам, которые вращаются вокруг собственной оси, но повозка все-таки движется, правда, вопрос откуда и куда тоже остается без ответа.

Так кажется автору этой статьи после изучения региональных и малых литературных традиций, а это аналогично относится и к «великим», потому что мы старались демонстрировать одновременно отдаленный интегральный взгляд, которым в одновременном сосуществовании охватывается и замечается продолжение и функционирование «малых» и «великих» литературных и культурных обществ. Значит, мы не за взгляд на «малых» с точки зрения «великих», и не за взгляд на «великих» с точки зрения «малых» – с идеи скрытого круга нельзя убежать, но мы не выступаем за возвращение к циклизму в философии истории, а за теорию брошенного камня и концентрических кругов, которые создает каждый поэт или писатель.

Вернемся к недавно упомянутому примеру с озером. Большая вода, которая двигается сама в себе, – теперь культурная и литературная традиция. На берегу вода волнами вымывает камни. Для Васка Попы камень – существо. Для поэта – это пограничные ситуации, которые с помощью языка превращены в существо, в стихотворения, в рассказы, в романы, в эссе, которые он выбирает, берет в руки; следует бросок, который направлен так, чтобы камень прыгал

по воде и производил концентрические круги. Величина камня и то, сколько раз он подпрыгнет, а значит величина и число концентрических кругов, зависят не только от силы индивидуального таланта поэта (используем термин и понятие Т.С. Элиота), но и от большой воды, от традиции и ее носителей. А носители не только те, которые знают один язык. Носители – все принадлежащие человечеству. В этом заключается универсальное значение региональных и малых языков и литературных традиций как золотых ресурсов человечества. Благодаря их изучению получаем важные знания о зарождении, существовании и функционировании феноменов. Значит, природа вещей, природа литературы является более транспарентной и легче создается. При этом историческое время ограничено. Мифическое время не ограничено и охватывает историческое. Литературные произведения рождаются в истории, но их значение вне времени. Литературное произведение и поэт – это волна, которая только одной инновацией коснется берега традиции и, на первый взгляд мертвая, как камушек, как существо, тысячами значений, концентрических кругов, умноженная вернется в открытое море.

В заключение нужно сказать о возможности и необходимости различать и разделять в имидже России и русских роль политических элит и роль народа и его культуры. Это значит, что трудно защищать имперское сознание и поведение русских политических элит по отношению к другим славянским и неславянским народам, но неоспорим тот факт, что жертвой этого имперского сознания является и народ, который безгранично терпелив и добр, терпелив и измучен настолько, что развил в себе одну типичную черту русской души, а именно – наслаждение самомучением и самоунижением, бесконечным терпением и самопожертвованием. С этой точки зрения можно увидеть и понять русский большевизм как русскую карамазовщину, а экономическую неэффективность русского общества и многих славянских государств как специфическую русскую обломовщину.¹⁸ Россия и русские, с одной стороны, остаются символом восточной

¹⁸ Гачев. Феноменологија руске душе.

деспотии, а с другой стороны – символом Великой Души. Поэтому на вопрос Ивана Дзюбы – есть ли и в малых народах Великая Душа – предлагаем ответ: да, есть, в тех людях и народах, которые противостоят воздействию и страданиям существования, несмотря на то, страдают ли большие или малые народы.

Второй частью нашего заключения может быть наша теория о согласии исторической самореализации отдельных лиц и народов. В мираже, в национальной логике возможно примирить противопоставленные со стороны политических элит интересы, показанные как национальные идентификации. Национальные идентификации – это не чудовища, которые борются между собой. Я могу принять от России и русских предрасположенность русской души к терпению, русскую литературу, но я не должен принимать интересы русских политических элит и их психологический максимализм, который является имперским сознанием. Национальное самоопределение – это как хор ангелов, который поет ту же самую песню о тайнах человеческого существа на разных языках. Национальные идентификации могут находиться в согласии в существах отдельных людей и обществ, так же как находятся в согласии времена и человеческий опыт. Надо только опыт других народов принять как личное богатство.